

The background is a painting by Daniil Kharmis. It depicts a dark, cluttered interior space. In the foreground, a rooster with brown and black feathers is visible, along with a blue hat. The scene is lit with dramatic, low-key lighting, creating strong shadows and highlights. The overall mood is somber and intimate. The painting style is expressive and somewhat abstract, with visible brushstrokes and a rich color palette dominated by dark tones and vibrant accents like the blue hat and yellow highlights.

ДАНИИЛ
ХАРМС

*«Я родился
в камыше...»*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Даниил Хармс

Я родился в камыше... (сборник)

«Азбука-Аттикус»

Хармс Д. И.

Я родился в камыше... (сборник) / Д. И. Хармс — «Азбука-Аттикус»,

Кто он, загадочный Даниил Хармс, – наивный гений, мастер эпатажа или лукавый мистификатор, тщательно скрывавший свою, как писал Маршак, «классическую основу»? В любом случае его творчество, ясное и одновременно таинственное, даже в начале XXI века остается одной из самых ярких и сложных загадок русской литературы. Настоящее издание содержит произведения Даниила Хармса, написанные им от первого лица. У своеобразного персонажа книги противоречивая и драматичная судьба, воплощающая впечатления детства и юности Хармса и причудливую фантазию писателя.

Содержание

Божья тварь	6
«Я родился в камыше...»	12
«Я родился в камыше. Как мышь...»	12
Врун	13
«Папа спит...»	16
«Не знаю, почему все думают, что я гений...»	17
«Теперь я расскажу, как я родился, как я рос...»	18
Инкубаторный период	19
О том, как папа застрелил мне хорька	20
«Я поднимал глаза все выше и выше...»	22
«Я гений пламенных речей...»	23
Письмо Т.А.Мейер (Липавской)	24
«Все люди любят деньги. И глядят их...»	25
«Однажды я пришел в Госиздат...»	26
Выбор дней	30
Что это было?	31
Тигр на улице	32
Письмо Т.А.Мейер (Липавской)	33
О Пушкине	35
«Я сидел на крыше Госиздата...»	36
Утро	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Даниил Хармс

Я родился в камыше... (сборник)

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © Даниил Хармс (наследники), 2011
- © Валерий Сажин, состав, статья, примечания, 2011
- © Вадим Пожидаев, оформление серии, 1996
- © ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2011
- © Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Божья тварь

Даниил Хармс родился по соседству с тюрьмой. В казенном петербургском доме по Глинской ул., д. 1–3, принадлежавшем Главному тюремному управлению Министерства внутренних дел. Официально этот дом назывался «Убежище для женщин, выходящих из мест заключения». Ежегодно в доме жили примерно сто освободившихся из тюрем женщин, которые здесь пребывали до тех пор, пока они сами себе или их попечители (основанный для этого Дамский благотворительно-тюремный комитет) не подыщут им постоянную работу и место жительства. Для пожилых и немощных тут же находилась Богадельня, а для девочек-подростков «из арестантских детей» – Дом Трудолюбия. Всю эту невеселую компанию в одинаковой униформе – на фоне кирпичного неоштукатуренного мрачного здания – можно видеть чуть ли не на единственной такого рода фотографии¹. Где-то здесь должна стоять и начальница Убежища, мама пятилетнего Дани, Надежда Ивановна Колюбакина (1876, по другим сведениям 1869–1929).

О том, как сама она здесь оказалась (пройдя с середины 1890-х гг. по нескольким ступеням «карьерной лестницы»: заведующая прачечной, надзирательница и экономка, помощница начальницы и, наконец, начальница²), сведения до сих пор не отысканы. Известно лишь, что она происходила из рода саратовских Колюбакиных; по неподтвержденным сведениям, училась в Смольном институте³; в отроческом, вероятно, возрасте подверглась насилию со стороны отца⁴ и, как можно предположить, именно после этого оставила родительский дом, оказавшись вскоре в роли заведующей прачечной названного выше Убежища. По-видимому, профессионально она увереннее всего чувствовала себя служащей при прачечной: с начала 1920 по 1926 г. Колюбакина работала кастеляншей в Барачной больнице им. С. П. Боткина (и там же жила с семьей)⁵.

17 (30) декабря 1905 г. у Колюбакиной родился сын, о чем отец новорожденного, И. П. Ювачев, извещал свою приятельницу: «Сегодня, 17 декабря, в 6 утра, у меня родился сын Даниил. Назвал его так ради многих причин: 1) 5 декабря утром около 6 ч., накануне исповеди и причастия, в Гефсиманском скиту⁶, мне явился во сне пророк Даниил. 2) Это мой любимый пророк, и на всех его писаниях я строю свою философию истории. 3) Сегодня, 17 декабря, память пророка Даниила. 4) «Даниель» значит *суд Божий* или *судья Божий*. Это имя так отвечает современным событиям. 5) Очень настаивал на этом имени наш священник, который делал молитву.

Крестить предполагаю 25 декабря или около этого времени. Крестный – один из братьев, крестная – сестра Надежды Ивановны»⁷.

¹ Новые учреждения состоящего под Высочайшим покровительством С.-Петербургского Дамского Благотворительно-Тюремного Комитета, открытые в 1911 г. СПб., 1911. С. 6–7.

² *Милов М. Н.* Род Колюбакиных: Материалы к родословию. СПб., 2008. С. 189.

³ *Качалина М.* Счастьем своим обязаны друг другу // ulpressa.ru/news/2010/03/09/article_109645; эти и другие важные сведения о Колюбакиной в статье, к сожалению, не документированы.

⁴ «Никакая фантазия до того, что я узнал, не может додуматься... Прямо страшный факт!» – писал, узнав об этом от самой Колюбакиной, ее будущий муж. (*Строганова Е. Н.* К биографии Даниила Хармса: предыстория семьи в письмах родителей // *Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова.* СПб., 2006. С. 313.)

⁵ Хроника жизни и творчества Даниила Хармса / Сост. А. Крусанов // Хармс Д. *Случаи и вещи.* СПб.: Вита Нова, 2004. С. 419.

⁶ Имеется в виду один из двух монастырей: на о. Валаам или в Сергиевом Посаде под Москвой.

⁷ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом; РО ИРЛИ). Ф. 139. № 364. Л. 10–11; ср. похожую запись Ювачева в своем дневнике (местонахождение которого в настоящий момент не известно): <*Александров А.*> Краткая хроника жизни и творчества Даниила Хармса // Хармс Д. *Полет в небеса.* Л., 1988. С. 538.

Как можно судить по приведенным словам, отец Хармса был человеком мыслящим и искренне набожным. Между тем Ивана Павловича Ювачева (1860–1940) в молодости следовало бы считать, скорее всего, легкомысленным: не обладая твердыми политическими убеждениями, он оказался причастен к террористической организации и в сентябре 1884 г. на так называемом «Процессе 14» был осужден на смертную казнь, замененную в октябре бессрочной каторгой.

В Шлиссельбургской крепости, где Ювачев провел почти два с половиной года, он пережил духовное преображение и истово обратился к христианству. Для чтения в подлинниках соответствующей литературы он изучил древнееврейский и греческий языки и сам стал сочинять: в эту пору стихотворные молитвы⁸, а впоследствии написал, фигурально выражаясь, целую библиотеку «душеполезной» литературы, избрав себе литературный псевдоним Миролюбов, – словами «Мир и Любовь» из новозаветного Соборного послания св. Апостола Иуды (Иуда 1. 2) в качестве пожелания адресату Ювачев завершал каждое свое письмо.

Оказавшись с 1887 г. на Сахалине, куда он был отправлен для дальнейшего отбывания каторги, Ювачев добропорядочным поведением (и научными трудами на тамошней метеорологической станции) заслужил в конце концов с 1899 г. право свободного проживания в любой местности России.

Так он оказался в Петербурге, здесь познакомился с Н. И. Колюбакиной и 16 апреля 1903 г. с ней обвенчался⁹.

Накануне женитьбы Ювачев определился на службу в Управление сберегательных касс. По должности инспектора ему полагалось ездить с ревизиями сберегательных касс по всей России, а заодно оказывалось возможным еще и просто путешествовать, что он весьма любил. Это означало многомесячное отсутствие его в Петербурге. Сохранившиеся письма Ювачева из мест командировок дают представление (и конечно, совсем не полное) о том, как мало в течение того или иного года ему доводилось бывать дома. Например, 1909 г.: январь – февраль он провел в Москве¹⁰; в мае: «Сижу в Архангельске, а собираюсь к морским поездкам в Мурман и на Печору»¹¹; в августе: «Вернулся из долгого и дальнего странствования. Всего 19° не доехал до Северного полюса, объехал все города Архангельской губернии, был в Норвегии, плывал во льдах за 70° северной широты, подымался по р. Печоре до Усть-Цельма... Одним словом, три месяца колесил по всему северу России. 7 сентября еду в новую командировку – в Пермскую губернию. И опять надолго. <...> Жена моя была на даче в Луге, а теперь переехала к сестре в Царское Село, пока погода стоит хорошая. Мальчик окреп. Большой буян»¹²; в ноябре: «Побыв короткое время дома (на даче в Луге), отправился в новую командировку, в Пермскую губернию. Перевалив Уральский хребет, объехал все города Пермской губернии и Тюмень. Теперь отсиживаюсь в Екатеринбурге, где ревизия касс в полном ходу. Полагаю, что придется здесь пробыть еще дней 10»¹³. Таким образом, в этом 1909 г. Ювачев был дома в общей сложности едва ли более трех месяцев¹⁴. Надо полагать, что папа успел к рождению в этом году своего нового ребенка: «2 декабря родилась дочь Елизавета. Еще не крестили»¹⁵. Тем временем, как сказано в одном из писем (см. выше): «Мальчик окреп» – это о сыне Дане.

⁸ См.: *Строганова Е. Н.* Поэзия и молитва: (О книжке стихотворений Ивана Ювачева) // Северо-Запад: Историко-культурный региональный вестник. Вып. III. Череповец, 2000. С. 106–116.

⁹ *Строганова Е. Н.* К биографии Даниила Хармса... С. 317.

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 874. № 119. Л. 135. Ф. 887. № 37.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 874. № 119. Л. 137.

¹² ОР РНБ. Ф. 874. № 119. Л. 139–140.

¹³ ОР РНБ. Ф. 874. № 119. Л. 141 об. – 142.

¹⁴ О подобной же ситуации дают представление письма Ювачева и за другие годы.

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 139. № 364. Л. 34 (письмо от 25 декабря из Петербурга).

Повседневным окружением мальчика на протяжении всего детства и отрочества были: сотня одетых в невзрачную униформу женщин – вчерашних заключенных и еще столько же (и также одинаково одетых) старушек из Богдельни и девочек-подростков из Дома Трудолюбия¹⁶. На всех (и на всем) была печать принадлежности к тюремному ведомству.

Показателем благополучия были два фактора: соблюдение чистоты и дисциплины.

Наведение чистоты было в Убежище, если можно так выразиться, профессиональным занятием: паровая прачечная, приносившая доход заведению, давала работу трети жилищ, остальные, пропорционально, занимались сушкой белья и глажением¹⁷.

По тому немногому, что известно о характере Колюбакиной, можно судить, что она обладала независимым и сильным характером¹⁸ и даже, как видно, злоупотребляла своим правом командовать и распоряжаться: «Ты осуждала сестру мою Анну за крик на ребят, – писал ей муж в феврале 1911 г., – но ты сама стала второй Анной. Ты на Даню целый день кричишь. Хорошо, что он привык к твоим крикам и они его не трогают. Но худо и то, что он перестает слушаться. <...> На мой взгляд, у тебя, Надя, делаются неприятности с людьми. Ты до того привыкла браниться, что не замечаешь ни своих криков, ни своей брани»¹⁹.

Если, как мы узнаем из этого письма, Даня уже в пять лет переставал «слушаться» маму, реагируя таким образом на ее агрессивную манеру воспитания, то с отцом его отношения были более замысловатыми.

С младенчества и все детство и отрочество Дани папа был для сына чудесной легендой, мифом, родом иконы: «Данилушка наш прекрасно выговаривает теперь „папа“ и все время смотрит на твой портрет» (11 сентября 1906 г.)²⁰; «Данилушка все целует твой портрет и всем другим дает» (30 января 1907 г.)²¹; «Ты спрашиваешь, помнит ли Данюк своего папу? Да еще как, каждый день требует с моего столика твой портрет, всем его показывает, целует и говорит: ПАПА, ПАПА» (11 июня 1907 г.)²²; «Твой новый портрет Даня просил повесить перед его письменным столом, где теперь он и висит» (3 февраля 1911 г.)²³.

¹⁶ Даже летом на даче в Тарховке это окружение его не оставляло. В феврале 1911 г. Ювачев писал своей знакомой: «Сейчас в Вильно на ревизии. Вернусь к Пасхе. К тому времени (середина апреля) у нас будет готов, Бог даст, свой собственный дом по дороге в Сестрорецк, между станциями Тарховка и Разлив. Семья в апреле туда переедет на все лето, потому что в нашей зимней квартире с апреля должен быть ремонт и переделка под гладильню. С осени у нас будет новое помещение в Убежище, в новом здании. Для постройки собственного дома – дачи около „Разлива“, землю арендовали на 99 лет, и постройка отчасти ведется в долг. Жене очень хочется иметь свою дачу, а главное – свое хозяйство» (РО ИРЛИ. Ф. 139, № 364. Л. 39 об. – 40). Семья Ювачевых арендовала землю, по-видимому, у того же Тюремного управления, оно в этом году строило здесь же (и 8 июля 1911 г. открыло) приют все для тех же неприкаянных детей, родители которых находились в тюрьме (Новые учреждения... С. 7).

¹⁷ См., например: Петербургский Дамский Благотворительно-Тюремный Комитет: Отчет за 1910 г. СПб., <1911>. С. 16.

¹⁸ Об этом дает представление обмен письмами между нею и будущим мужем; за две недели до венчания Ювачев категорически потребовал от невесты прекратить курение (разговор об этом, видно, уже был ранее): «Вы хвастались своею силою воли. Где она? Ее не хватает и на такие пустяки, как бросить папироску. <...> Право, мне страшно обидно, что я строго должен говорить с Вами из-за поганой папироски. И это теперь, когда Вы невеста! Что же будет дальше?» (*Строгонова Е. Н.* К биографии Даниила Хармса... С. 316). Надежда Ивановна отвечала с достоинством: «Я не курю, напрасны все Ваши беспокойства, одна папироска, выкуренная мною при Княгине, не означает, что я начала опять курить. Потом, голубчик, Вы совершенно напрасно думаете, что меня строгость с Вашей стороны могла бы заставить бросить курить, я бросила только ради любви к Вам...» (Там же. С. 317).

¹⁹ Цит. по: *Шубинский В.* Даниил Хармс: Жизнь человека на ветру. СПб.: Вита Нова, 2008. С. 37.

²⁰ Здесь и далее цитируются письма Н. И. Колюбакиной мужу: *Строгонова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса: Архивные материалы // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 68.

²¹ Здесь и далее цитируются письма Н. И. Колюбакиной мужу: *Строгонова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса: Архивные материалы // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 68.

²² Здесь и далее цитируются письма Н. И. Колюбакиной мужу: *Строгонова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса: Архивные материалы // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 68.

²³ Здесь и далее цитируются письма Н. И. Колюбакиной мужу: *Строгонова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса: Архивные материалы // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 70.

Когда папа на короткий срок появлялся в семье, это всякий раз было чудесным подарком, оставлявшим на долгое время яркое впечатление: «С твоей легкой руки теперь ежедневно Данька заводит граммофон, надоел так, что я прямо бегу в контору» (19 сентября 1910 г.)²⁴; «Даня с восторгом вспоминает, как ты его водил в кинематограф, всем об этом рассказывает» (20 сентября 1910 г.)²⁵; «Сегодня все тебя вспоминал и уверял, что у него начинается так же, как у Папы, борода расти» (10 октября 1910 г.)²⁶. Дело было, конечно, и в том, что всякий раз папа оказывался «пришельцем» из неблизкого и неведомого мира, ведь долгие отлучки, безусловно, объяснялись необходимостью ехать в дальние (и для ребенка загадочные) края. Но в еще большей степени с папой ассоциировались те новые знания, которые являлись сыну в недолгих, но оставлявших глубокий след занятиях с отцом.

Среди них главным было посвящение в таинственные и загадочные явления и истории.

В 14-летнем возрасте Хармс создал серию рисунков, в которых наличествуют следы его знакомства с книгой Н. А. Морозова «История возникновения Апокалипсиса: Откровение в грозе и буре» (СПб., 1907)²⁷. В его поле зрения книга попала не случайно, а наверняка благодаря папе, который с начала 1910-х гг. «начинает собирать материал по толкованию „Откровения Иоанна Богослова“, изучает иконографию апокалипсисов и иконописные изображения Иоанна Богослова»²⁸. В результате на эту тему появились несколько работ И. П. Ювачева, в том числе «Апокалипсис и его толкователи»²⁹, с которой (а прежде всего, конечно, с самым загадочным «Откровением Иоанна Богослова») отец познакомил сына еще в отрочестве³⁰. Апокалипсические мотивы потом будут неоднократно возникать в стихотворениях Хармса, а в самых бытовых по сюжету его прозаических произведениях окажутся скрытыми образы Апокалипсиса.

В тех же рисунках и в подписях к ним 14-летний Хармс использует астрологические понятия, которые естественнее всего ему было почерпнуть у папы, занимавшегося таинственной (и тем более привлекательной для ребенка) астрологией и обозначавшего порой даты в письмах астрологическими значками, – в подражание ему 11-летний сын демонстрировал в одном из своих писем умение изобразить дату тоже загадочным (но папе понятным) значком³¹. Эта приверженность к астрологии (и занятие ею и эзотерическими учениями) будет сопровождать Хармса всю последующую жизнь. Нельзя не заметить, что в его жизни были два периода, когда он внезапно стал систематически прибегать к записи дат астрологическими значками: все время пребывания в ссылке в Курске в 1932 г.³² и сразу после смерти отца в 1940 г. Можно предположить, что эмоционально эти периоды переживались им как самые тяжелые: в одном

²⁴ Здесь и далее цитируются письма Н. И. Коллюбакиной мужу: *Строгонова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса: Архивные материалы // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 68.

²⁵ Здесь и далее цитируются письма Н. И. Коллюбакиной мужу: *Строгонова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса: Архивные материалы // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 70.

²⁶ Здесь и далее цитируются письма Н. И. Коллюбакиной мужу: *Строгонова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса: Архивные материалы // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 70.

²⁷ *Ершов Г.* Семь дней творения Даниила Ювачева // Рисунки Даниила Хармса. СПб., 2006. С. 197 и далее; здесь же воспроизведены сами рисунки.

²⁸ *Валиева Ю.* Отец, сын и овца // Хармс – авангард: Материалы международной научной конференции «Даниил Хармс: авангард в действии и в отмирании». Белград, 2006. С. 382; в этой статье наиболее глубоко на сегодняшний день исследована проблематика влияния отца на самосознание и творчество Хармса.

²⁹ В качестве предисловия к кн.: *Андрей*, св., архиеп. Кесарийский. Апокалипсис. СПб., <1909>.

³⁰ В 1930 г. Хармс снова брал у отца для прочтения его работу об Апокалипсисе (Хроника жизни и творчества Даниила Хармса. С. 448).

³¹ *Строгонова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса. С. 73.

³² В декабре 1931 г. Хармс и нескольких его друзей и знакомых арестовали по Делу № 4246-31 г. как «антисоветскую группу писателей». Хармс был осужден на три года заключения, но в мае 1932 г. это наказание ему заменили ссылкой; Хармс вместе со своим другом А. И. Введенским отбывал ее в Курске; в Ленинград вернулся в ноябре 1932 г. (материалы Дела см.: *Хармс Д.* Собрание сочинений: В 3 т. СПб., 2010. Т. 3. С. 317–388).

случае он таким экзотическим способом (в своем духе) апеллировал к отцовской защите, а в другом фиксировал обостренную беззащитность, оказавшись без поддержки отца.

Именно отцу Хармс обязан глубоким религиозным воспитанием. Дело, конечно, совсем не в том, что комната сына была увешана иконами («Утром переставлял образа в комнате Дани (выше поставил) и повесил новые...») ³³, и не в том, что 4-летний мальчик старательно подражал отцу на молебне ³⁴, и не только в том, что сын, вероятно, знал: его отец, религиозный писатель Миролюбов, начинал свои литературные труды с написания стихотворных молитв и сочинил их в свое время на целый сборник ³⁵, – стихотворные молитвы Хармса можно считать в некотором роде преемниками отцовских. Важнее всего то, что отец целенаправленно занимался христианским образованием сына: читал с 10-летним подростком Евангелие по-гречески ³⁶, разбирал с ним священные тексты, демонстрировал, насколько сокровенен их смысл и что, несмотря на многовековые труды предшественников, до сих пор продолжается их истолкование, например Апокалипсиса.

По-видимому, в подражание отцу, и Хармс, будто богослов, занимался сличением текстов Евангелий от Марка, Луки и Иоанна, отмечая в них, по своему разумению, параллельные места, а также те, которые, как можно полагать, вызывали в его душе отзвук ³⁷. Среди многочисленных подчеркиваний Хармса в тексте Евангелий (эти хармсовские пометы подлежат отдельному изучению) особенно выразительны: «Я и Отец – одно» (Ин. 10, 30); «Отец во Мне и Я в Нем» (Ин. 10, 38).

Чудесным образом оказалось, что редкие сохранившиеся донныне книги из личной библиотеки Хармса почти все – богословского содержания. Они испещрены многочисленными пометами писателя, которые характеризуют не просто его интерес к содержанию, но личную заинтересованность в прочитанном и тогдашнее душевное состояние Хармса. Так он несколько раз (акцентированно) подчеркнул следующее: «Надо *беду зажечь вокруг себя*... Внутренность свою надобно уязвлять и тревожить, чтоб не уснуть... Что значит *зажечь беду вокруг себя*? Это глубокое чувство опасности своего положения и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как *в Господе Иисусе Христе*... Сие чувство и будет гнать нас к Господу и заставит непрестанно вопиять: *Господи, помилуй!* Помоги! Защити!.. Оно было у всех святых и никогда их не оставляло» ³⁸.

Но Хармс не стал ни богословом, ни философом, ни религиозным писателем. Помимо стихотворных молитв – своеобразных авторских душевных всплесков, – религиозные мотивы в его произведениях хоть и многочисленны, но, вследствие специфической своеобразности хармсовской манеры, неочевидны и подлежат скрупулезному выявлению и дешифровке.

На поверхности же: бесчисленные безобразные старухи, которым надлежит выпасть из окон, потому что их слишком много на одном небольшом пространстве («Был дом, наполненный старухами...» в рассказе «Рыцари»); дети, болтающиеся под ногами и издевательски преследующие свою жертву; женщины, вызывающие смешанные чувства едва ли не похотливого влечения к ним и постоянной неуверенности в себе, в своей состоятельности.

³³ Дневниковая запись Ювачева за 22 ноября / 5 декабря 1916 г. цит. по: *Валиева Ю.* Отец, сын и овца. С. 383.

³⁴ «Сегодня был молебен, – писала Колюбакина мужу 22 октября 1910 г. – Данила все время стоял, молился, и когда клал земной поклон, то руки на полу складывал так, как делаешь это ты, и следил, чтобы и все так делали» (*Строганова Е. Н.* Из ранних лет Даниила Хармса. С. 70).

³⁵ *Строганова Е. Н.* Поэзия и молитва... С. 106–116.

³⁶ *Валиева Ю.* Отец, сын и овца. С. 383.

³⁷ Имеется в виду экземпляр собственного Четвероевангелия Хармса (Пг., 1914), хранящегося в Библиотеке Духовной академии в Санкт-Петербурге; на титульном листе последовательно, сверху вниз, следующие пометы Хармса: Д. Х.; Даниил Хармс 18 апр. 1936 г.; Шардам (последнее слово – один из хармсовских псевдонимов – зачеркнуто).

³⁸ Искатель непрестанной молитвы, или Сборник изречений и примеров из книг Священного Писания и сочинений богомудрых подвижников благочестия о непрестанной молитве / Собрал игумен Тихон. Изд. 3-е, Саровской пустыни. М., 1904. С. 37 (курсив подлинника; здесь в книге цитируется проповедь еп. Феофана. См. в: ОР РНБ. Ф. 1232. Оп. II. № 561, усл.).

Эти фантомы пришли в творчество Хармса из детства. Всюду, где он навязчиво повторяет: «Я не люблю детей...», следует читать: «Я не люблю свое детство», прошедшее в сосредоточенном на небольшом пространстве, тесном специфическом окружении: бездомных старух из Богадельни; только что вышедших из тюрьмы неприкаянных женщин из Убежища; девочек-подростков, отбывающих срок в Доме Трудолюбия, пока их матери сидят в тюрьме.

Давящее влияние этих обстоятельств Хармс в раннем детстве преодолевал по-детски («не слушается» – см. выше), а в пору проявления творческих интересов – по-взрослому: формированием творческого мира (и личного поведения), демонстративно и вызывающе отличного от общепринятого.

Эту жизнеопасную деструктивность Хармс начал, пожалуй, с собственного творческого имени: можно предполагать, что в противоположность «конструктивному» папиному псевдониму Миролубов (папа изображал их сыну двумя написанными по-древнееврейски словами «Мир» и «Любовь») он положил в основу своего – древнееврейское «Херем»: заклятие (или отлучение). За неделю до своего очередного дня рождения, 23 декабря 1936 г., Хармс отметил в записной книжке: «Вчера папа сказал мне, что, пока я буду Хармс, меня будут преследовать нужды»³⁹.

Даниил Хармс умер по соседству с тюрьмой, в спецбольнице, принадлежавшей ленинградской тюрьме на Арсенальной наб., д. 5–9.

За содействие в подготовке настоящего издания приношу искреннюю благодарность Инне Валентиновне Дацюк.

Валерий Сажин

³⁹ Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. СПб., 2002. Кн. 2. С. 190 (Хармс Д. Полн. собр. соч.: <В 5 т., 6 кн.>. СПб., 1997–2002). Существует большой набор версий происхождения псевдонима Хармса (см.: Остроумова Е., Кувишинов В. Псевдонимы Д. И. Хармса // www.xarms.lipetsk.ru/texts.ostr.I.html.text), но при всех интерпретациях не может быть обойдено вниманием это замечание И. П. Ювачева, безусловно содержащее мысль об угрожающем жизни содержании сыновнего псевдонима.

«Я родился в камыше...»

Стихи и проза

«Я родился в камыше. Как мышь...»

Я родился в камыше. Как мышь. Моя мать меня родила и положила в воду. И я поплыл. Какая то рыба с четырьмя усами на носу кружилась около меня. Я заплакал. И рыба заплакала. Вдруг мы увидели, что плывёт по воде каша. Мы съели эту кашу и начали смеяться. Нам было очень весело, мы поплыли по течению и встретили рака. Это был древний, великий рак; он держал в своих клешнях топор. За раком плыла голая лягушка. «Почему ты всегда голая, – спросил её рак, – как тебе не стыдно?» «Здесь ничего нет стыдного – ответила лягушка. – Зачем нам стыдиться своего хорошего тела, данного нам природой, когда мы не стыдимся своих мерзких поступков, созданных нами самими?» «Ты говоришь правильно, – сказал рак. – И я не знаю, как тебе на это ответить. Я предлагаю спросить об этом человека, потому что человек умнее нас. Мы же умны только в баснях, которые пишет про нас человек, т.-ч. и тут выходить, что опять таки умён человек, а не мы». Но тут рак увидел меня и сказал: «Да и плыть никуда не надо, потому что вот он – человек». Рак подплыл ко мне и спросил: «Надо ли стесняться своего голого тела? Ты человек и ответь нам». «Я человек и отвечу вам: не надо стесняться своего голого тела».

<1934>

Врун

Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?

Ну конечно, знаете!
Ясно, что вы знаете!

Несомненно,
Несомненно,
Несомненно знаете!

Нет! нет! нет! нет!
Мы не знаем ничего,
Не слыхали ничего,
Не слыхали, не видали
И не знаем
Ничего!

А вы знаете, что у?
А вы знаете, что па?
А вы знаете, что пы?
Что у папы моего
Было сорок сыновей.
Было сорок здоровенных
И не двадцать
И не тридцать,
Ровно сорок сыновей!
Ну! ну! ну! ну!
Врешь! врешь! врешь! врешь!
Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну еще туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок —
Это просто ерунда!

А вы знаете, что со?
А вы знаете, что ба?
А вы знаете, что ки?
Что собаки-пустолайки
Научились летать?
Научились, точно птицы,
(Не как звери,
Не как рыбы)

Точно ястребы летать!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, как звери,
Ну, как рыбы,
Ну еще туда-сюда,
А как ястребы,
Как птицы,
Это просто ерунда!

А вы знаете, что на?
А вы знаете, что не?
А вы знаете, что бе?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое,
(Не тарелка,
Не лепешка),
А большое колесо!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, тарелка,
Ну, лепешка,
Ну, еще туда-сюда,
А уж если колесо —
Это просто ерунда!

А вы знаете, что под?
А вы знаете, что мо?
А вы знаете, что рем?
Что под морем-океаном
Часовой стоит с ружьем?
Часовой стоит под морем
(Не с дубиной,
Не с метелкой),
А с заряженным ружьем!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Ну, с дубиной,
Ну, с метелкой,
Ну, еще туда-сюда,
А с заряженным ружьем —
Это просто ерунда!

А вы знаете, что до?
А вы знаете, что но?
А вы знаете, что са?

Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не достать,
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не доехать,
Не допрыгать,
Что до носа
Не достать!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, доехать,
Ну, допрыгать,
Ну, еще туда-сюда,
А достать его руками —
Это —
Просто
Ерунда!

Даниил Хармс
1930

«Папа спит...»

Папа спит
и Лиза тоже
Иля дремлет во всю мочь
Я в окно взглянул. О Боже!
Там уж утро, а не ночь.

мне осталось только плюнуть
и раздеться и в кровать
спать и спать и спать и думать
только-б десять не проспять

Кто ж энергией томимый
встанет раньше. Помогите
чтобы в десять с половиной
мне обуться в сапоги.

и заботами снедаем
вспом<н>и будучи в штанах
сам быть может за трамваем
будешь гнаться в попыхах

А быть может не догнав
перепрыгнув сто канав
за другим каким трамваем
ты помчишься в попыхах.

<1930>

«Не знаю, почему все думают, что я гений...»

Не знаю, почему все думают, что я гений; а по моему, я не гений. Вчера я говорю им: Послушайте! Какой-же я гений? А они мне говорят: Такой! А я им говорю: Ну какой же такой? А они не говорят, какой, и только и говорят, что гений и гений. А по моему, я всё же не гений.

Куда не покажусь, сейчас же все начинают шептаться и на меня пальцами показывают. «Ну что это в самом деле!» – говорю я. А они мне и слова не дают сказать, того и гляди схватят и понесут на руках.

<1934–1936>

«Теперь я расскажу, как я родился, как я рос...»

Теперь я расскажу, как я родился, как я рос и как обнаружили во мне первые признаки гения. Я родился дважды. Произошло это вот так:

Мой папа женился на моей маме в 1902 году, но меня мои родители произвели на свет только в конце 1905 года, потому что папа пожелал, чтобы его ребёнок родился обязательно на новый год. Папа рассчитал, что зачатие должно произойти 1-го апреля и только в этот день подъехал к маме с предложением зачать ребенка.

Первый раз папа подъехал к моей маме 1-го апреля 1903 года. Мама давно ждала этого момента и страшно обрадовалась. Но папа, как видно, был в очень шутовском настроении и не удержался и сказал маме «с первым апрелем!»

Мама страшно обиделась и в этот день не подпустила папу к себе. Пришлось ждать до следующего года.

В 1904 году, 1-го апреля, папа начал опять подъезжать к маме с тем же предложением. Но мама, помня прошлогодний случай, сказала, что теперь она уже больше не желает оставаться в глупом положении, и опять не подпустила к себе папу. Сколько папа не бушевал, ничего не помогло.

И только год спустя удалось моему папе уломать мою маму и зачать меня.

И так моё зачатие произошло 1-го апреля 1905 года.

Однако все папины расчёты рухнули, потому что я оказался недоноском и родился на четыре месяца раньше срока.

Папа так разбушевался, что акушерка, принявшая меня, растерялась и начала запихивать меня обратно, откуда я только что вылез.

Присутствовавший при этом один наш знакомый студент Военно-медицинской Академии заявил, что запихать меня обратно не удастся. Однако, не смотря на слова студента, меня всё же запихали, но, правда, как потом выяснилось, запихать-то запихали, да в торопях не туда.

Тут началась страшная суматоха. Родительница кричит: «Подавайте мне моего ребёнка!» А ей отвечают: «Вашь, говорят, ребёнок находится внутри вас». «Как! – кричит родительница. – Как ребёнок внутри меня, когда я его только что родила!» «Но, – говорят родительнице, – может быть вы ошибаетесь?» «Как! – кричит родительница – ошибаюсь! Разве я могу ошибаться! Я сама видела, что ребенок только что вот тут лежал на простыне!» «Это верно, – говорят родительнице, – но, может быть, он куда ни будь заполз». Одним словом, и сами не знают, что сказать родительнице.

А родительница шумит и требует своего ребёнка.

Пришлось звать опытного доктора. Опытный доктор осмотрел родительницу и руками развёл, однако всё же сообразил и дал родительнице хорошую порцию английской соли. Родительницу пронесло и таким образом я вторично вышел на свет.

Тут опять папа разбушевался, дескать, это, мол, ещё нельзя назвать рождением, что это, мол, ещё не человек, а скорее наполовину зародыш и что его следует либо опять обратно запихать, либо посадить в инкубатор.

И вот посадили меня в инкубатор.

25 сентября 1935 года

Инкубаторный период

В инкубаторе я просидел четыре месяца. Помню только, что инкубатор был стеклянный, прозрачный и с градусником. Я сидел внутри инкубатора на вате. Больше я ничего не помню.

Через четыре месяца меня вынули из инкубатора. Это сделали как раз 1-го января 1906 года. Таким образом, я как бы родился в третий раз. Днём моего рождения стали считать именно 1-ое января.

<Сентябрь 1935>

О том, как папа застрелил мне хорька

Как-то вечером домой
Возвращался папа мой.
Возвращался папа мой
Поздно по полю домой.
Папа смотрит и глядит —
На земле хорёк сидит.
На земле хорёк сидит
И на папу не глядит.

Папа думает: «Хорёк —
Замечательный зверёк.
Замечательный зверёк,
Если только он хорёк».

А хорёк сидел, сидел
И на папу поглядел.
И на папу поглядел
И уж больше не сидел.

Папа сразу побежал,
Он винтовку заряжал,
Очень быстро заряжал,
Чтоб хорёк не убежал.

А хорёк бежит к реке,
От кустов невдалеке,
А за ним невдалеке
Мчится папа к той реке.

Папа сердится, кричит
И патронами бренчит,
И винтовочкой бренчит,
– Подожди меня! – кричит,

А хорёк, поднявши хвост,
Удирает через мост.
Мчится с визгом через мост,
К небесам поднявши хвост.

Папа щелкает курком,
Да с пригорка кувырком
Полетел он кувырком
И – в погоню за хорьком.

А ружьё в его руках

Загремело – тарарах!
Как ударит – тарарах!
Так и прыгнуло в руках.

Папа в сторону бежит,
А хорёк уже лежит.
На земле хорёк лежит
И от папы не бежит.

Тут скорее папа мой
Потащил хорька домой.
И принес его домой,
Взяв за лапку, папа мой.
Я был рад, в ладоши бил,
Из хорька себе набил
Стружкой чучело набил,
И опять в ладоши бил.

Вот перед вами мой хорёк
На странице поперёк.
Нарисован поперёк
Перед вами мой хорёк.

Даниил Хармс
1929

«Я поднимал глаза все выше и выше...»

Я поднимал глаза все выше и выше
Вот окна второго этажа.
Вот мачта
Вот просто небо.
Вот рай
и бог в раю с лицом как у меня
Да я подобен человеку
А человек подобен богу
А бог подобен миру
А дерево, трава, цветок и лист
начало жизни.
Трава подобна камню
Но камень разбивается в песок
Песок земле подобен
А в землю мертвое стремится
Земля дает росток
И собирая влагу
Зеленой глиной
Лежит на берегах реки
Мы собираем эту глину
И лепим человечков
И человек был создан богом
Из земли и глины
Да, человек земле подобен
Земля подобна миру
А мир подобен богу.
И я
Поднимаю глаза все выше и выше
Вижу, что я создан по образу и подобию Божьему
И я брожу в раю
И никого там нету
И я кричу: А где же бог
И бог мне говорит:
Бог – это я.

<Около 14 ноября 1931>

«Я гений пламенных речей...»

Я гений пламенных речей
Я господин свободных мыслей
Я царь бессмысленных красот
Я бог исчезнувших высот
Я господин свободных мыслей
Я светлой радости ручей.

Когда в толпу метну свой взор,
Толпа как птица замирает
И вокруг меня, как вокруг столба,
Стоит безмолвная толпа.
Толпа как птица замирает
И я толпу мету как сор.

<1935>

Письмо Т.А.Мейер (Липавской)

Курск. 1 августа 1932 г.

Дорогая Тамара Александровна, Валентина Ефимовна, Леонид Савельевич, Яков Семёнович и Валентина Ефимовна.

Передайте от меня привет Леониду Савельевичу, Валентине Ефимовне и Якову Семеновичу.

Как вы живёте, Тамара Александровна, Валентина Ефимовна, Леонид Савельевич и Яков Семёнович? Что подельывает Валентина Ефимовна? Обязательно напишите мне, Тамара Александровна, как себя чувствуют Яков Семёнович и Леонид Савельевич.

Я очень соскучился по Вас, Тамара Александровна, а также по Валентине Ефимовне и Леониду Савельевичу. Что, Леонид Савельевич, всё еще на даче или уже вернулся? Передайте ему, если он вернулся, привет от меня. А также и Валентине Ефимовне и Якову Семёновичу и Тамаре Александровне. Вы все для меня на столько памятливы что порой кажется, что я вас и забыть не смогу. Валентина Ефимовна стоит у меня перед глазами как живая и даже Леонид Савельевич, как живой. Яков Семёнович для меня как родной брат и сестра, а также и Вы как сестра, или, в крайнем случае, как кузина. Леонид Савельевич для меня как шуринок, а так же и Валентина Ефимовна как некая родственница.

На каждом шагу вспоминаю я вас, то одного, то другого и всегда с такою ясностью и отчетливостью, что просто ужас. Но во сне мне из вас никто не мерещится и я даже удивляюсь почему это так. Ведь если-бы во сне мне приснился Леонид Савельевич, это-бы было одно, а если-бы Яков Семёнович, это-бы было уже другое. С этим нельзя не согласиться. А также если-бы приснились Вы, было-бы опять другое, чем если-бы мне во сне показали Валентину Ефимовну.

Что тут на днях было! Я, представте себе, только собрался куда то итти и взял шляпу, что-бы одеть её, вдруг смотрю, а шляпа-то буд-то и не моя, буд-то моя, а буд-то бы и не моя. Фу ты! думаю, что за притча! моя шляпа или не моя? А сам шляпу-то надеваю и надеваю. А как надел шляпу и посмотрел в зеркало, ну вижу шляпа-то буд-то моя. А сам думаю: а вдруг не моя. Хотя, впрочем, пожалуй моя. Ну оказалось шляпато и впрямь моя. А так-же Введенский, купаясь в реке, попал в рыболовную сеть и так сильно опечалился, что, как только освободился, так сразу же пришёл домой и дергал. Пишите и вы, как вы все живёте. Как Леонид Савельевич на даче или уже приехал.

Даниил Хармс.

<понедельник> 1 августа, 1932 года.

«Все люди любят деньги. И гладят их...»

Все люди любят деньги. И гладят их, и целуют, и к сердцу прижимают, и заворачивают их в красивые тряпочки, и нянчат их, как куклу. А некоторые заключают деньзнак в рамку, вешают его на стену и поклоняются ему как иконе. Некоторые кормят свои деньги: открывают им рты и суют туда самые жирные куски своей пищи. В жару несут деньги в холодный погреб, а зимой, в лютые морозы, бросают деньги в печку, в огонь. Некоторые просто разговаривают со своими деньгами или читают им вслух интересные книги, или поют им приятные песни. Я же не отдаю деньгам особово внимания и просто ношу их в кошельке или в бумажнике, и, по мере надобности, трачу их. Шибейя!

<пятница 16 октября 1940>

«Однажды я пришел в Госиздат...»

I

Однажды я пришел в Госиздат и встретил в Госиздате Евгения Львовича Шварца, который, как всегда, был одет плохо, но с претензией на что то.

Увидя меня, Шварц начал острить, тоже, как всегда, неудачно.

Я острил значительно удачнее и скоро, в умственном отношении, положил Шварца на обе лопатки.

Все вокруг завидывали моему остроумию, но никаких мер не предпринимали, так как буквально дохли от смеха. В особенности же дохла от смеха Нина Владимировна Гернет и Давид Ефемыч Рахмилович, для благозвучия называющий себя Южиным.

Видя, что со мной шутки плохи, Шварц начал сбавлять свой тон и, наконец обложив меня просто матом, заявил, что в Тифлисе Заболоцкого знают все, а меня почти никто.

Тут я обозлился и сказал, что я более историчен, чем Шварц и Заболоцкий, что от меня останется в истории светлое пятно, а они быстро забудутся.

Почувствовав мое величие и крупное мировое значение, Шварц постепенно затрепетал и пригласил меня к себе на обед.

II

Я решил растрепать одну компанию, что и делаю.

Начну с Валентины Ефимовны.

Эта нехозяйственная особа приглашает нас к себе и, вместо еды, подает к столу какую то кислятину. Я люблю поесть и знаю толк в еде. Меня кислятиной не проведешь! Я даже в ресторан, другой раз, захожу и смотрю, какая там еда. И терпеть не могу, когда с этой особенностью моего характера не считаются.

Теперь перехожу к Леониду Савельевичу Липавскому. Он не постеснялся сказать мне в лицо, что ежемесячно сочиняет десять мыслей.

Во-первых, – врет. Сочиняет не десять, а меньше. А во-вторых, я больше сочиняю. Я не считал, сколько я сочиняю в месяц, но должно быть, больше, чем он.

Теперь относительно ещё одной особы, это Тамары Александровны. Эта особа наливается чаем и корчит из себя недотрогу. Она, мол, знает и то и это, и, мол, умнее, чем тот-то и даже интереснее, чем Туся.

Всё это глупости! Я знаю женщин лучше, чем кто либо другой и про одетую женщину могу сказать, как она выглядит голой.

Тамара Александровна слишком о себе думает. Себялюбие не только грех, но и порок. Нечего чаем наливаться. Посмотри лучше вокруг. Может быть, есть люди и по умнее тебя.

Я вот, например, не тычу всем в глаза, что обладаю, мол, коллосальным умом. У меня есть все данные считать себя великим человеком. Да, впрочем, я себя таким и считаю.

Потому то мне и обидно, и больно находиться среди людей, ниже меня поставленных по уму, и прозорливости, и таланту, и не чувствовать к себе вполне должного уважения.

Почему, почему я лучше всех?

III

Теперь я всё понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. Посмотрите, как он ест. Ну чистый немец, да и только! Даже по ногам видно, что он немец.

Не хвастаясь, могу сказать, что я очень наблюдательный и остроумный.

Вот, например, если взять Леонида Савельевича, Юлиа Берзина и Вольфа Эрлиха и поставить их вместе на панели, то можно сказать: «мал мала меньше».

По моему, это остроумно, потому что в меру смешно.

И всё таки Леонид Савельевич немец! Обязательно при встрече скажу ему это.

Я не считаю себя особенно умным человеком, и все таки должен сказать, что я умнее всех. Может быть, на Марсе есть и умнее меня, но на земле не знаю.

Вот, говорят, Олейников очень умный. А по моему, он умный, да не очень. Он открыл, например, что если написать 6 и перевернуть, то получится 9. А по моему, это неумно.

Леонид Савельевич совершенно прав, когда говорит, что ум человека – это его достоинство. А если ума нет, значит, и достоинства нет.

Яков Семенович возражает Леониду Савельевичу и говорит, что ум человека это его слабость. А по моему, это уже парадокс. Почему же ум это слабость? Вовсе нет! Скорее, крепость. Я так думаю.

Мы часто собираемся у Леонида Савельевича и говорим об этом.

Если поднимается спор, то победителем спора всегда остаюсь я. Сам не знаю, почему.

На меня почему то все глядят с удивлением. Что бы я не сделал, все находят, что это удивительно.

А ведь я даже и не стараюсь. Всё само собой получается.

Заболоцкий как то сказал, что мне присуще управлять сферами. Должно быть, пошутил. У меня и в мыслях ничего подобного не было.

В Союзе Писателей меня считают почему то ангелом.

Послушайте, друзья! Нельзя же в самом деле передо мной так преклоняться. Я такой же, как и вы все, только лучше.

IV

Я слышал такое выражение: «Лови момент!»

Легко сказать, но трудно сделать. По моему, это выражение бессмысленное. И действительно, нельзя призывать к невозможному.

Говорю я это с полной уверенностью, потому что сам на себе все испытал. Я ловил момент, но не поймал и только сломал часы. Теперь я знаю, что это невозможно.

Также невозможно «ловить эпоху», потому что это такой же момент, только по больше.

Другое дело, если сказать: «Запечатлейте то, что происходит в этот момент». Это совсем другое дело.

Вот например: раз, два, три! Ничего не произошло! Вот я запечатлел момент, в котором ничего не произошло.

Я сказал об этом Заболоцкому. Тому это очень понравилось, и он целый день сидел и считал: раз, два, три! И отмечал, что ничего не произошло.

За таким занятием застал Заболоцкого Шварц. И Шварц тоже заинтересовался этим оригинальным способом запечатлеть то, что происходит в нашу эпоху, потому что ведь из моментов складывается эпоха.

Но прошу обратить внимание, что родоначальником этого метода опять являюсь я. Опять я! Всюду я! Просто удивительно!

То, что другим дается с трудом, мне дается с легкостью.

Я даже летать умею. Но об этом рассказывать не буду, потому что все равно никто не поверит.

V

Когда два человека играют в шахматы, мне всегда кажется, что один другого околпачивает. Особенно, если они играют на деньги.

Вообще мне противна всякая игра на деньги. Я запрещаю играть в своем присутствии.

А картежников я бы казнил. Это самый правильный метод борьбы с азартными играми.

Вместо того, чтобы играть в карты, лучше бы собрались да почитали бы друг другу морали.

А впрочем, морали скучно. Интереснее ухаживать за женщинами.

Женщины меня интересовали всегда. Меня всегда волновали женские ножки, в особенности выше колен.

Многие считают женщин порочными существами. А я нисколько! Наоборот, даже считаю их чем то очень приятными.

Полненькая, молоденькая женщина! Чем же она порочна? Совсе не порочна!

Вот другое дело дети. О них говорят, что они невинны. А я считаю, что они, может быть, и невинны, да только уж больно омерзительны, в особенности, когда пляшут. Я всегда ухожу от тудова, где есть дети.

И Леонид Савельевич не любит детей. Это я внушил ему такие мысли.

Вообще всё, что говорит Леонид Савельевич, уже когда ни будь раньше говорил я.

Да и не только Леонид Савельевич. Всякий рад подхватить хотя бы обрывки моих мыслей. Мне это даже смешно.

Например, вчера прибежал ко мне Олейников и говорит, что совершенно запутался в вопросах жизни. Я дал ему кое какие советы и отпустил. Он ушел осчастливленный мною и в наилучшем своем настроении.

Люди видят во мне поддержку, повторяют мои слова, удивляются моим поступкам, а денег мне не платят.

Глупые люди! Несите мне побольше денег, и вы увидите, как я буду этим доволен.

VI

Теперь я скажу несколько слов об Александре Ивановиче.

Это болтун и азартный игрок. Но за что я его ценю, так это за то, что он мне покорен.

Днями и ночами дежурит он передо мной и только и ждет с моей стороны намека на какое ни будь приказание.

Стоит мне подать этот намек, и Александр Иванович летит, как ветер, исполнять мою волю.

За это я купил ему туфли и сказал: «На, носи!» Вот он их и носит.

Когда Александр Иванович приходит в Госиздат, то все смеются и говорят между собой, что Александр Иванович пришел за деньгами.

Константин Игнатьевич Древацкий прячется под стол. Это я говорю в аллегорическом смысле.

Больше всего Александр Иванович любит макароны. Ест он их всегда с толчеными сухарями и съедает почти что целое кило, а может быть, и гораздо больше.

Съев макароны, Александр Иванович говорит, что его тошнит, и ложится на диван. Иногда макароны выходят обратно.

Мясо Александр Иванович не ест и женщин не любит. Хотя, иногда любит. Кажется, даже очень часто.

Но женщины, которых любит Александр Иванович, на мой вкус, все некрасивые, а потому будем считать, что это даже и не женщины.

Если я что ни будь говорю, значит, это правильно.

Спорить со мной никому не советую, все равно он останется в дураках, потому что я всякого переспорю.

Да и не вам тягаться со мною. Еще и не такие пробовали. Всех уложил! Даром, что с виду и говорить-то не умею, а как заведу, так и не остановишь.

Как то раз завел у Липавских и пошел! Всех до смерти заговорил!

Потом пошел к Заболоцким и там всех заговорил. Потом пошел к Шварцам и там всех заговорил. Потом домой пришел и дома еще пол ночи говорил!

<1934>

Выбор дней

скажу вам грозно
хвост мудрого человека
опасен беспечному лентяю
чуть только тот забудет название года
хвост обмахнёт пыль памяти безумца
прощай тогда речей Свобода!
уже выкатывает солнце новые дни
рядами ставит их на выбор
скажу вам грозно: лишь мы одни
поэты, знаем дней катыбр

всё

4 апреля <1931>

Что это было?

Я шел зимою вдоль болота
В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических
Крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки
И долго думал, сняв очки:

«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»

Даниил Хармс
<1940>

Тигр на улице

Я долго думал, откуда на улице взялся тигр.
Думал-думал,
Думал-думал,
Думал-думал,
Думал-думал,

В это время ветер дунул,
И я забыл, о чем я думал.

Так я и не знаю, откуда на улице взялся тигр.

Карл Иванович Шустерлинг
<1936>

Письмо Т.А.Мейер (Липавской)

<Детское Село>. 28 июня 1932 г.

Дорогая Тамара Александровна и Леонид Савельевич,

Спасибо вам за ваше чудное письмо. Я перечитал его много раз и выучил наизусть. Меня можно разбудить ночью и я сразу, без запинки, начну: «Здравствуйте, Даниил Иванович, мы очень без Вас соскрючились. Лёня купил себе новые...» и т. д. и т. д. Я читал это письмо всем своим царскосельским знакомым. Всем оно очень нравится. Вчера ко мне пришёл мой приятель Бальнис. Он хотел остаться у меня ночевать. Я прочел ему ваше письмо шесть раз. Он очень сильно улыбался, видно что письмо ему понравилось, но подробного мнения он высказать не успел ибо ушёл, не оставшись ночевать. Сегодня я ходил к нему сам и прочёл ему письмо ещё раз, чтобы он освежил его в своей памяти. Потом я спросил Бальниса, каково его мнение. Но он выломал у стула ножку и при помощи этой ножи, выгнал меня на улицу, да ещё сказал, что если я ещё раз явлюсь с этой поскудью, то он свяжет мне руки и набьёт рот грязью из помойной ямы. Это были конечно с его стороны грубые и не остроумные слова. Я конечно ушёл и понял, что у него был, возможно, очень сильный насморк и ему было не по себе. От Бальниса я пошёл в Екатерининский парк и катался на лодке. На всём озере, кроме моей, плавало ещё две-три лодки. Между прочим в одной из лодок каталась очень красивая девушка. И совершенно одна. Я повернул лодку (кстати при повороте, надо грести осторожно, потому что весла могут выскочить из уключин) и поехал следом за красавицей. Мне казалось, что я похож на норвежца и от моей фигуры в сером жилете и развивающимся галстуке, должны излучаться свежесть и здоровье и, как говорится, пахнуть морем. Но около Орловской коллоны купались какие-то хулиганы и, когда я проезжал мимо, один из них хотел проплыть как раз поперёк моего пути. Тогда другой крикнул: «Подожди, когда проплывёт эта кривая и потная личность!» – и показал на меня ногой. Мне было очень неприятно, потому что всё это слышала красавица. А так как она плыла впереди меня, а в лодке, как известно, сидят затылком к направлению движения, то красавица не только слышала, но и видела как хулиган показал на меня ногой. Я попробывал сделать вид, что это относится не ко мне и стал улыбаясь смотреть по сторонам. Но вокруг не было ни одной лодки. Да тут ещё хулиган крикнул опять: «Ну чего засмотрелся! Не тебе что ли говорят! Эй ты насос в шляпе!»

Я принялся грести что есть мочи, но вёсла выскакивали из уключин и лодка подвигалась медленно. Наконец, после больших усилий, я догнал красавицу и мы познакомились. Её звали Екатериной Павловной. Мы сдали её лодку и Екатерина Павловна пересела в мою. Она оказалась очень остроумной собеседницей. Я решил блеснуть остроумием моих знакомых, достал ваше письмо и принялся читать: «Здравствуйте, Даниил Иванович, мы очень без Вас соскрючились. Лёня купил...» и т. д. Екатерина Павловна сказала, что если мы подъедем к берегу, то я что-то увижу. И я увидел, как Екатерина Павловна ушла, а из кустов вылез грязный мальчишка и сказал: «Дяденька, покатай на лодке». Сегодня вечером письмо пропало. Случилось это так: я стоял на балконе, читал ваше письмо и ел манную кашу. В это время тётушка позвала меня в комнаты помочь ей завести часы. Я закрыл письмом манную кашу и пошёл в комнаты. Когда я вернулся обратно, то письмо впитало в себя всю манную кашу и я съел его.

Погоды в Царском стоят хорошие; переменная облачность, ветры юго-западной четверти, возможен дождь.

Сегодня утром к нам в сад приходил шарманщик и играл собачий вальс, а потом спёр гамак и убежал.

Я прочёл очень интересную книгу о том, как один молодой человек полюбил одну молодую особу, а эта молодая особа любила другого молодого человека, а этот молодой человек

любил другую молодую особу, а эта молодая особа любила опять таки, другого молодого человека, который любил не её, а другую молодую особу.

И вдруг эта молодая особа оступается в открытый люк и надламывает себе позвоночник. Но когда она уже совсем поправляется, она вдруг простужается и умирает. Тогда молодой человек, любящий её, кончает с собой выстрелом из револьвера. Тогда молодая особа, любящая этого молодого человека, бросается под поезд. Тогда молодой человек, любящий эту молодую особу, залезает с горя на трамвайный столб и касается проводника и умирает от электрического тока. Тогда молодая особа, любящая этого молодого человека, наедается толчёного стекла и умирает от раны в кишках. Тогда молодой человек, любящий эту молодую особу, бежит в Америку и спивается до такой степени, что продаёт свой последний костюм; и, за неимением костюма, он принуждён лежать в постеле и получает пролежни и от пролежней умирает.

На днях буду в городе. Обязательно хочу увидеть вас. Привет Валентине Ефимовне и Якову Семёновичу.

Даниил Хармс.

28 июня 1932 года. Царское Село.

О Пушкине

Трудно сказать что ни будь о Пушкине тому, кто ни чего о нём не знает. Пушкин великий поэт. Наполеон менее велик, чем Пушкин. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто. И Александры I и II, и III просто пузыри по сравнению с Пушкиным. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь.

А потому, вместо того, что бы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе.

Хотя Гоголь так велик, что о нём и написать то ничего нельзя, поэтому я буду всё таки писать о Пушкине.

Но после Гоголя писать о Пушкине как то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу.

Хармс

15 декабря 1936 года

«Я сидел на крыше Госиздата...»

Я сидел на крыше Госиздата и наблюдал, всё-ли в порядке, потому что едва чего не досмотришь, как чего ни будь да случится. Нельзя город оставлять без призора.

А кто за городом смотреть будет, как не я? Если где беспорядок какой, так сейчас-же мы его и прекратим.

Сустан дозорных на крыше Госиздата

Первое правило: Дозорным может быть мужчина обэриутского вероисповедания, обладающий нижеследующими приметам:

- 1). Роста умеренного.
- 2). Смел.
- 3). Дальнозорок.
- 4). Голос зычный и властный.
- 5). Могуч и без обиняков.
- 6). Уметь улавливать ухом всякие звуки и не тяготится скукой.
- 7). Куращий или, в крайнем случае, не куращий.

Второе правило (что он должен делать):

1). Дозорный должен сидеть на самой верхней точке крыши и, не жалея сил, усердно смотреть по сторонам, для чего предписывается не переставая вращать голову слева направо, и наоборот, доводя её в обе стороны до отказа позвонков.

2). Дозорный должен следить за порядком в городе, как-то:

- а). Чтобы люди ходили не как попало, а так, как им предписано самим Господом Богом.
- б). Чтобы люди ездили только на таких экипажах, которые для этого специально приспособлены.
- с). Чтобы люди не ходили по крышам, карнизам, фронтонам и другим возвышенностям.

Примечание: Плотникам, малярам и другим дворникам дозволяется.

Третье правило (что дозорный не должен делать):

Дозорный не должен

- 1). Ездить по крыше верхом.
- 2). Заигрывать с дамами.
- 3). Вставлять свои слова в разговоры прохожих.
- 4). Гоняться за воробьями или перенимать их привычки.
- 5). Обзывать милиционеров фараонами.
- 6).
- 7). Скорбеть.

Четвертое правило (право Дозорного):

Дозорный имеет право

- 1). Петь
- 2). Стрелять в кого попало.
- 3). Выдумывать и сочинять, а также записывать и не громко читать, или запоминать наизусть.
- 4). Осматривать панораму.
- 5). Уподоблять жизнь внизу муравейнику.
- 6). Рассуждать о книгопечатании.
- 7). Приносить с собой пастель.

Пятое правило. Дозорный обязан

К пожарным относиться с почтением.

Всё

22 мая 1929 года

Члены, Учредители – Даниил Хармс, Борис Левин

Помогал: Владимиров

Утро

Да, сегодня я видел сон о собаке.

Она лизала камень, а потом побежала к реке и стала смотреть в воду.

Она там видела что ни будь?

Зачем она смотрит в воду?

Я закурил папиросу. Осталось ещё только две.

Я выкурю их, и больше у меня нет.

И денег нет.

Где я буду сегодня обедать?

Утром я могу выпить чай: у меня есть еще сахар и булка. Но папирос уже не будет. И обедать негде.

Надо скорее вставать. Уже половина третьего.

Я закурил вторую папиросу и стал думать, как бы мне сегодня пообедать.

Фома в семь часов обедает в Доме Печати. Если притти в Дом Печати ровно в семь часов, встретить там Фому и сказать ему: «Слушай, Фома Антоныч, я хотел бы, чтобы ты накормил меня сегодня обедом. Я должен был получить сегодня деньги, но в сберегательной кассе нет денег». Можно занять десятку у профессора. Но профессор, пожалуй, скажет: «Помилуйте, я вам должен, а вы занимаете. Но сейчас у меня нет десяти. Я могу дать вам только три». Или нет, профессор скажет: «У меня сейчас нет ни копейки». Или нет, профессор скажет не так, а так: «Вот вам рубль, и больше я вам ничего не дам. Ступайте и купите себе спичек».

Я докурил папиросу и начал одеваться.

Звонил Володя. Татьяна Александровна сказала про меня, что она не может понять, что во мне от Бога и что от дурака.

Я надел сапоги. На правом сапоге отлетает подметка.

Сегодня воскресенье.

Я иду по Литейному мимо книжных магазинов. Вчера я просил о чуде. Да да, вот если бы сейчас произошло чудо.

Начинает итти полу снег полу дождь. Я останавливаюсь у книжного магазина и смотрю на витрину. Я прочитываю десять названий книг и сейчас же их забываю.

Я лезу в карман за папиросами, но вспоминаю, что у меня их больше нет.

Я делаю надменное лицо и быстро иду к Невскому, постукивая тросточкой.

Дом на углу Невского красится в отвратительную желтую краску. Приходится свернуть на дорогу. Меня толкают встречные люди. Они все недавно приехали из деревень и не умеют еще ходить по улицам. Очень трудно отличить их грязные костюмы и лица.

Они топчатыся во все стороны, рычат и толкаются.

Толкнув нечаяно друг друга, они не говорят «простите», а кричат друг другу бранные слова.

На Невском страшная толчея на панелях. На дороге же довольно тихо. Изредка проезжают грузовики и грязные легковые автомобили.

Трамваи ходят переполненные. Люди висят на подножках. В трамвае всегда стоит ругань. Все говорят друг другу ты. Когда открывается дверца, то из вагона на площадку веет теплый и вонючий воздух. Люди вскакивают и соскакивают в трамвай на ходу. Но этого делать еще не умеют, и скачат задом наперед. Часто кто нибудь срывается и с ревом и руганью летит под трамвайные колеса. Миллиционеры свистят в свисточки, останавливают вагоны и штрафуют

прыгнувших на ходу. Но как только трамвай трогается, бегут новые люди и скачат на ходу, хватаясь левой рукой за поручни.

Сегодня я проснулся в два часа дня. Я лежал в кровати до трех, не в силах встать. Я обдумывал свой сон: почему собака посмотрела в реку и что она там увидела. Я уверял себя, что это очень важно: обдумать сон до конца. Но я не мог вспомнить, что я видел дальше во сне, и я начинал думать о другом.

Вчера вечером я сидел за столом и много курил. Передо мной лежала бумага, чтобы написать что то. Но я не знал, что мне надо написать. Я даже не знал, должны быть это стихи, или рассказ, или рассуждение. Я ничего не написал и лег спать. Но я долго не спал. Мне хотелось узнать, что я должен был написать. Я перечислял в уме все виды словесного искусства, но я не узнал своего вида. Это могло быть одно слово, а может быть, я должен был написать целую книгу. Я просил Бога о чуде, чтобы я понял, что мне нужно написать. Но мне начинало хотеться курить. У меня оставалось всего четыре папиросы. Хорошо бы хоть две, нет, три оставить на утро.

Я сел на кровати и закурил.

Я просил Бога о каком то чуде.

Да да, надо чудо. Все равно какое чудо.

Я зажег лампу и посмотрел вокруг. Все было попрежднему.

Да ничего и не должно было измениться в моей комнате.

Должно измениться что то во мне.

Я взглянул на часы. Три часа семь минут. Значит, спать я должен по крайней мере до половина двенадцатого. Скорей спать!

Я потушил лампу и лег.

Нет, я должен лечь на левый бок.

Я лег на левый бок и стал засыпать.

Я смотрю в окно и вижу, как дворник метет улицу.

Я стою рядом с дворником и говорю ему, что, прежде, чем написать что либо, надо знать слова, которые надо написать.

По моей ноге скачет блоха.

Я лежу лицом на подушке с закрытыми глазами и стараюсь заснуть. Но слышу, как скачет блоха, и слежу за ней. Если я шевельнусь, я потеряю сон.

Но вот я должен поднять руку и пальцем коснуться лба. Я поднимаю руку и касаюсь пальцем лба.

И сон прошел.

Мне хочется перевернуться на правый бок, но я должен лежать на левом.

Теперь блоха ходит по спине. Сейчас она укусит.

Я говорю: Ох, ох.

Закрытыми глазами я вижу, как блоха скачет по простыне, забирается в складочку и там сидит смирно, как собачка.

Я вижу всю мою комнату, но не сбоку, не сверху, а всю сразу, зараз. Все предметы оранжевые.

Я не могу заснуть. Я стараюсь ни о чем не думать. Я вспоминаю, что это невозможно, и стараюсь не напрягать мысли. Пусть думается о чем угодно. Вот я думаю об огромной ложке и вспоминаю басню о татарине, который видел во сне кисель, но забыл взять в сон ложку. А потом увидел ложку, но забыл... забыл... забыл... Это я забыл, о чем я думал. Уж не сплю ли я? Я открыл для проверки глаза.

Теперь я проснулся. Как жаль, ведь я уже засыпал и забыл, что это мне так нужно. Я должен снова стараться заснуть. Сколько усилий пропало зря. Я зевнул.

Мне стало лень засыпать.

Я вижу перед собой печку. В темноте она выглядит темно-зеленой. Я закрываю глаза. Но печку видеть продолжаю. Она совершенно темно-зеленая. И все предметы в комнате темно-зеленые. Глаза у меня закрыты, но я моргаю, не открывая глаз.

Человек продолжает моргать с закрытыми глазами, – думаю я. – Только спящий не моргает.

Я вижу свою комнату и вижу себя, лежащего на кровати. Я покрыт одеялом почти с головой. Едва только торчит лицо.

В комнате всё серого тона.

Это не цвет, это только схема цвета. Вещи загрунтованы для красок. Но краски сняты. Но это скатерть на столе хоть и серая, а видно, что она на самом деле голубая. И этот карандаш хоть и серый, а на самом деле он желтый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.